

Завещание императора Павла.

I.

1 февраля 1801 года в Петербурге совершилось важное для него событие: государь император Павел Петрович со всей своей августейшей фамилией изволил переѣхать на жительство из Зимняго дворца во вновь отстроенный Михайловскій замокъ. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ переселеніемъ: новый дворецъ казался ему неприступной крѣпостью, надежнымъ убѣжищемъ отъ возможныхъ покушеній на его жизнь.

Михайловскій замокъ окруженъ былъ рвами, наполненными водою, и доступъ въ него возможенъ былъ лишь посредствомъ нѣсколькихъ подъемныхъ мостовъ, оберегаемыхъ бдительно стражей, подъ охраной пушекъ. Безъ вѣдома коменданта замка, которымъ назначенъ былъ старый гатчинецъ, генералъ Кутлубицкій, никто не могъ ни проникнуть во дворецъ, ни выйти изъ него. Да и въ самомъ дворцѣ, не только при наружныхъ входахъ, но и во внутреннихъ покояхъ разставляемы были бекеты и часовые отъ гвардейскихъ полковъ, которымъ приходилось нести всю тяжесть караульной службы, какъ бы въ осажденной крѣпости. Михайловскій замокъ, блиставшій мраморами и позолотой, представлялъ собою по внѣшнему виду не столько пышную императорскую резиденцію, сколько рыцарскій монастырь любимаго Павломъ Первымъ военнаго ордена іоаннитовъ.

Михайловскій замокъ только что былъ отстроенъ, и стѣны его не успѣли еще просохнуть, но, несмотря на страшную сырость во дворцѣ, императоръ спѣшилъ с переселеніемъ въ него. «Хочу,—говорилъ онъ,— умереть на томъ же мѣстѣ, гдѣ родился», потому что замокъ выстроенъ былъ на мѣстѣ Лѣтняго дворца, въ которомъ родился Павелъ въ 1764 г.

Императрица Марія Ѳеодоровна и великая княгиня Елизавета Алексѣевна, великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи также получили покои во дворцѣ и должны были жить въ немъ, хотя еще вода струилась по его стѣнамъ, а императрица Марія Ѳеодоровна страдала ревматизмомъ.

Императору не смѣли, однако, противорѣчить тѣмъ болѣе, что великіе

князя, возбуждавшие своим поведением подозрительность отца, не были уверены даже в том, не будут ли они жить в замке на положении арестованных. Во всяком случае, ни для кого не было тайной, что Павел тщательно наблюдал за образом жизни и поведением своих детей.

Особенно любовью занимался Павел устройством помещения в замок для признанной своей фаворитки, княгини Анны Петровны Гагариной. Покои императора выходили окнами на нынешнюю Садовую улицу, ближе к Летнему саду (со второго окна от угла), и из спальни его вела потайная лестница в покои княгини, расположенные в нижнем этаже, выходящем тоже на Садовую: В моменты, когда Павел в особенности чувствовал нравственное свое одиночество, в минуты мрачной тоски и тяжелых сомнений в прочности своего положения, суровый император являлся к трепещущей молодой княгине и в ее обществе старался найти успокоение своей мятежной души. Но кроткая, добрая Анна Петровна с тревогой выслушивала мрачные признания державного своего поклонника и неспособна была разделять его предчувствия о наступающей катастрофе. Подозревая жену и детей в злоумышлениях против себя, не доверяя преданности самых ближайших своих сотрудников по управлению государством, Павел доверчиво объяснял своей фаворитке и свои опасения, и надежды на будущее, искал в ее слабой душе участия и поддержки. Но это императорское доверие внушало Анне Петровне один только страх и ужас. Еще так недавно, в одном вечернем разговоре с нею, император с искаженным выражением лица сказал ей: «dans peu de jours on verra tomber de tetes qui m'ont ete bien cheres!» Вне себя от такой откровенности императора, княгиня Гагарина поспешила передать эти слова его великому князю Александру Павловичу. Тяжело было внутреннее самочувствие внацеленца в это время, но еще тяжелее было сознание, что некому ему довериться, не на кого опереться...

День императора Павла начинался обыкновенно очень рано: с шести часов утра он принимал уже доклады в своем кабинете, читал

поступавшія къ нему отовсюду бумаги. Однажды, уже по переѣздѣ въ Михайловскій замокъ, вставъ ранѣе, чѣмъ обыкновенно, Павелъ принялся, при свѣтѣ двухъ канделябровъ восковыхъ свѣчей, едва разгонявшихъ темноту огромной комнаты, за разборъ бумагъ, накопившихся на его письменномъ чуднаго мрамора столѣ и ждавшихъ его разрѣшенія. Одинъ конвертъ, тщательно запечатанный, съ необычнымъ титуломъ:

«Всепресвѣтлѣйшему государю императору Павлу Первому», привлекъ его вниманіе, и онъ поспѣшилъ его вскрыть. Но едва лишь Павелъ началъ читать заключающуюся въ немъ бумагу, какъ поблѣднѣлъ, глаза его расширились, и онъ дрожащими руками осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, выронивъ бумагу на коверъ. Лишь нѣсколько минутъ спустя онъ рѣшился поднять ее и снова началъ ея чтеніе. То былъ всеподданнѣйшій доносъ неизвѣстнаго лица на петербургскаго генераль-губернатора графа Палена, составлявшего заговоръ противъ государя съ участіемъ многихъ офицеровъ гвардіи и съ вѣдома великаго князя Александра. Доносчикъ съ видимымъ раскаяніемъ писалъ, что, испытавъ самъ гнѣвъ государя, и онъ рѣшился было принять участіе въ заговорѣ; однако угрызения совѣсти не даютъ ему покоя, и онъ рѣшается спасти царя, открывъ ему всю истину; что онъ не хочетъ открыть своего имени только потому, что боится недовѣрія государя и силы приближенныхъ къ нему особъ, и что государь самъ можетъ, имѣя въ рукахъ его доносъ, тихо и спокойно провѣрить справедливость всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, отнюдь не поручая этого дѣла ни Палену, ни какому-либо другому изъ приближенныхъ своихъ. «Всѣ сіи, всемилостивѣйшій государь,—писалъ доноситель,—либо по родству, либо по другимъ уваженіямъ, а всего болѣе по подлости души, придворнымъ свойственной, не иначе дѣйствовать будутъ, какъ сокрытіемъ предерзостныхъ замысловъ фонъ деръ-Палена и всѣхъ, иже съ нимъ, уготовяютъ имъ поспѣшнѣйшее исполненіе». Видно было, что писавшій обладалъ подробными свѣдѣніями о ходѣ заговора, называлъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ его распространении, и упоминалъ даже объ «агнцѣ, искушаемомъ зміемъ

возстать противъ отца своего и государя». Въ то же время авторъ письмаувѣрялъ Павла въ преданности ему народа и войска и заклиналъ его царствовать милостиво и правосудно, не съ той строгостью, которая «затворяетъ для него сердца подданныхъ и паче всего служить къ возвеличенію духа всѣхъ враждующихъ противъ помазанника Божія». «Воззри, государь, на писаніе сіе вѣрнѣйшаго изъ твоихъ подданныхъ,— заключалъ доноситель свое письмо,—не съ воспаленіемъ гнѣва своего, а съ осмотрѣніемъ, къ посрамленію враговъ твоихъ, а не къ конечной погибели всѣхъ тебя любящихъ».

Искренній, открытый характеръ письма, видимо, внушилъ Павлу довѣріе къ нему. И, странно, мысли его приняли совсѣмъ другое направленіе, чѣмъ предполагалъ авторъ письма, и на лицѣ его отразилось не «воспаленіе гнѣва», а какое-то скорбное, спокойное чувство. Чѣмъ болѣе повѣрилъ онъ свѣдѣніямъ о заговорѣ, объ опасности, грозившей ему со всѣхъ сторонъ, тѣмъ болѣе поразила его фраза доносителя о «конечной погибели всѣхъ тебя любящихъ». И умственному взору самодержца неожиданно предсталъ образъ не «души» его, княгини Анны Петровны Гагариной, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ, а скромной дворянской дѣвицы изъ придворнаго штата императрицы Маріи Ѳеодоровны, Марьи Николаевны Юрьевой, глаза которой всегда смотрѣли на суроваго государя съ нѣжностью и покорностью. Вспомнилъ Павелъ свое пребываніе въ Царскомъ Селѣ весною прошлаго года, когда княгиня Гагарина оставалась еще нечувствительной къ его настойчивому поклоненію и когда въ одну изъ его уединенныхъ прогулокъ по Царскосельскому парку къ нему подошла Юрьева, прося о милости къ одному изъ своихъ родственниковъ, разжалованному въ солдаты за упущеніе по службѣ. Это была еще совсѣмъ юная дѣвушка, съ славнымъ русскимъ лицомъ, но черные глаза ея съ такимъ затаеннымъ восхищеніемъ смотрѣли на Павла... Государь былъ въ хорошемъ настроеніи духа, былъ веселъ, шутилъ съ Юрьевой, назвалъ ее «бѣдовой смуглянкой» и въ концѣ концовъ наградилъ царскимъ поцѣлуемъ, шутливо прося не говорить о томъ женѣ, т.-

е. императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Но придворные соглядатаи уже успѣли подсмотрѣть эту «шалость» государя, и императрица узнала о томъ одна изъ первыхъ. Не любившая Гагариной, императрица отнеслась къ этой «шуткѣ» своего супруга снисходительно и не показала Юрьевой своего неблаговоленія, напротивъ, въ скоромъ времени назначила ее своею камеръ-фрау. Мало того, случилось какъ-то само собою такъ, что Юрьева, совершенно неожиданно для самой себя, еще не разъ видѣла государя и должна была вести съ нимъ разговоры. Павелъ чувствовалъ, что въ ея обществѣ къ нему возвращается его молодость, его восхищала простота и наивность, съ какой Юрьева выражала ему свои чувства, которыя относились къ нему лично, не къ государю, а Павелъ Петровичъ такъ мало былъ избалованъ въ этомъ отношеніи! Свѣжесть и скромность Юрьевой такъ противоположны были ходульной добродѣтели невзрачной, но наставительной Катерины Ивановны Нелидовой, и въ то же время такъ живо напоминали ему любезную недотрогу, Анну Петровну! И Павелъ Петровичъ кончилъ тѣмъ, что въ Царскомъ Селѣ пережилъ не одну идиллическую минуту вдали отъ жаднаго взора придворныхъ интригановъ и дипломатическихъ агентовъ, всегда умѣвшихъ проникать невѣдомыми путями въ тайны личной царской жизни.

Императоръ вспоминалъ далѣе, что въ августѣ княгиня Гагарина сдалась ему послѣ долговременной осады, и съ тѣхъ поръ Юрьева была забыта. Напомнила ему о ней сама императрица Марія Ѳеодоровна, сообщивъ ему, что она вынуждена лишиться услугъ своей камеръ-фрау, у которой появились всѣ признаки беременности. Юрьева была помѣщена въ одной изъ деревень близъ Царскаго Села на иждивеніи императрицы, ни въ чемъ не нуждалась, но Павелъ почувствовалъ и тогда нѣкоторое угрызеніе совѣсти: онъ такъ давно не видѣлъ смуглянки и совсѣмъ не думалъ о ней! И почему фраза доносителя о «любящихъ его» напомнила ему именно Юрьеву, и одну только ее? И развѣ ребенокъ, котораго она ждала со дня на день, — развѣ онъ не имѣетъ, какъ и мать, правъ на его заботы и попеченія, когда онъ именно

теперь такъ живо чувствуетъ неблагодарность старшаго своего сына? Кто о немъ будетъ заботиться, въ случаѣ его смерти или другой какой-либо катастрофы? Не оскорбленная ли жена и не тотъ ли неблагодарный старшій его сынъ?

Павель Петровичъ вздохнулъ еще разъ и опустился на колѣни предъ иконою, висѣвшею въ углу его кабинета. Онъ долго молился, кладя земные поклоны, пока не услышалъ легкаго стука въ дверь, выходящую въ пріемную. Вслѣдъ за тѣмъ на порогѣ появилась фигура Кутайсова, теперь графа, съ андреевской лентой черезъ плечо, а четыре года тому назадъ простаго брадобрея государя. До сихъ поръ еще Павель не разучился говорить иногда сіятельному графу, по старой привычкѣ, просто «Иванъ».

— Что скажешь, Иванъ?—спросилъ государь.

— Къ вашему величеству давно собрались уже съ докладомъ, и первѣе всего—графъ фонъ-деръ-Палень,—отвѣтилъ съ низкимъ поклономъ Кутайсовъ.

— Кто еще тамъ?

— Генераль-прокуроръ Оболяниновъ и князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, да командиръ Преображенскаго полка, генераль Талызинъ, ваше величество,— продолжалъ Кутайсовъ.

— Пусть подождутъ... Ты мнѣ скажи, гдѣ и въ какомъ положеніи теперь Юрьева, помнишь?

— Ваше величество изволили вспомнить о той глупой дѣвчкѣ?— сказала, ухмыляясь, Кутайсовъ.—Надо быть, живетъ хорошо. Ее недавно послали рожать въ новгородскую деревню, къ матери, пока что, чтобы недѣльныхъ разговоровъ никакихъ не было. А дѣвчонка шустрая, не хотѣла ѣхать, да ужъ, конечно, не ее спрашивали. Я просто приказалъ ее посадить въ кибитку и отправить съ придворнымъ служителемъ,— говорилъ Кутайсовъ, смакуя свою распорядительность.

«Вотъ она, конечная гибель-то начинается!»— подумалъ императоръ. Лицо его искривилось судорогой, онъ запыхтѣлъ и, постукивая о мягкій коверъ тростью, которую взялъ въ руки, грозно сказалъ Кутайсову:

— Какъ же ты смѣлъ безъ моего приказанія? А? Я покажу тебѣ глупую дѣвчонку! Понимаешь? Я вознесъ тебя изъ праха, но завтра же тебя обращу опять въ прахъ, скотина!

Кутайсовъ такъ опѣшилъ отъ этого неожиданнаго окрика, что не нашелся ничего сказать. Его побѣлѣвшія губы только тряслись и что-то шептали.

— Сейчасъ же пошли за ней карету съ докторомъ, и чтобы ее спокойно перевезли въ Царское. Ты мнѣ, помни, отвѣтишь, если что случится. А императрица знаетъ о томъ?—прибавилъ Павелъ, опять запыхтѣвъ...

— Я полагалъ... я не вѣдалъ, что государынѣ о семъ докладъ должно чинить, я самъ...—лепеталъ Кутайсовъ.

— Ступай же и сейчасъ же распорядись. Да подожди. Пусть докторъ передастъ Юрьевой эту записку,—сказалъ императоръ, набросавъ нѣсколько строкъ и запечатавъ ихъ своею печатью. Въ запискѣ значилось: «Пріѣзжайте ко мнѣ въ Царское. Будьте спокойны и здоровы. П.»

Когда вслѣдъ за исчезнувшимъ Кутайсовымъ появился въ кабинетѣ Павла графъ Палень, императоръ спокойно принялъ его докладъ, и только спросилъ его въ концѣ: «Итакъ, въ городѣ все спокойно?» На утвердительный отвѣтъ его, императоръ, сохраняя спокойствіе и помолчавъ немного, спросилъ неожиданно:

— Графъ, ты былъ въ Петербургѣ въ переворотъ 1762 года?

— Да, государь.

— И что же, ты участвовалъ въ немъ?

— Да, государь. Но что, собственно, вамъ угодно знать отъ меня?

— Ты участвовалъ въ революціи, которая лишила моего отца престола и жизни?

— Я, ваше величество, былъ тогда еще очень молодъ и служилъ вахмистромъ въ конной гвардіи. Я выѣхалъ изъ казармъ вмѣстѣ съ полкомъ, не подозрѣвая ничего о происходившемъ. Но почему ваше величество спрашиваете меня объ этомъ?

— А потому,—возразилъ императоръ:—что у насъ, кажется, хотять повторить 1762 годъ.

При этомъ отвѣтъ государя, Палень, какъ онъ впослѣдствіи сознавался, почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, но быстро овладѣлъ собою и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Да, государь, я знаю это и даже самъ въ числѣ заговорщиковъ.

— Какъ,—вспыхнулъ Павелъ, крайне удивленный:— ты знаешь это и самъ въ заговорѣ? Что ты говоришь?

— Сущую правду, государь,—отвѣчала графъ, наклоня почтительно свою длинную фигуру и понижая голосъ.—Какимъ бы образомъ на моемъ мѣстѣ я могъ знать все объ этомъ заговорѣ, если бы я не принялъ въ немъ участія? Но не извольте беспокоиться, ваше величество. Я держу въ своихъ рукахъ нить заговора и жду только момента, чтобы захватить заговорщиковъ вмѣстѣ: еще человекъ три изъ нихъ мнѣ неизвѣстны. Только умоляю ваше величество потерпѣть и никому о томъ не говорить; иначе всѣ птицы разлетятся. Потому я и не осмѣливался докладывать вашему величеству, что я боялся быстроты вашихъ рѣшеній, которая помѣшаетъ мнѣ обнаружить злоумышленниковъ вполнѣ. Будьте спокойны, всемилостивѣйшій государь, теперь не можетъ быть повторенія 1762 года.

— Почему же?—спросилъ Павелъ, съ недоумѣніемъ смотря на своего собесѣдника, весь видъ котораго изображалъ нелицемѣрную преданность.

— Не сравнивайте, государь, своего положенія съ положеніемъ отца. Онъ былъ чуждъ странѣ, иностранецъ, а вы русскій. Онъ боялся русскихъ, презиралъ ихъ и старался держать ихъ отъ себя подальше, ваше величество ихъ любите, уважаете и выдвигаете впередъ. Онъ не былъ коронованъ, а вы—помазанникъ Божій. Онъ преслѣдовалъ духовенство, вы его уважаете.

Онъ довелъ гвардію до отчаянія, а вамъ она предана. Наконецъ, въ его время почти не было въ Петербургѣ полиціи, а теперь она въ превосходномъ состояніи: нѣтъ шага или слова, котораго я бы не зналъ. Каковы бы ни были намѣренія императрицы, супруги вашей, она не имѣетъ ни генія, ни энергіи вашей матери; наконецъ, у нея 20-лѣтніе сыновья, а вамъ въ 1762 году было только 7 лѣтъ.

Императоръ выслушалъ эту рѣчь Палена съ видимымъ удовольствіемъ и, потирая руки, сказалъ ему благосклонно:

— Все это правда, но ты не упускай изъ виду заговорщиковъ.

Когда Паленъ вышелъ изъ кабинета государя, то слѣдовавшій за нимъ генераль-прокуроръ Оболяниновъ позванъ былъ не скоро. Государь что-то долго обдумывалъ, дѣлая помѣтки на лежавшемъ предъ нимъ листѣ бумаги. Наконецъ Оболяниновъ былъ позванъ и былъ милостиво принятъ государемъ, который любилъ его еще будучи наслѣдникомъ.

— Здравствуй, Петръ Хрисанѳовичъ,—обратился къ нему Павелъ.— Только сегодня бумагъ твоихъ читать не буду; мнѣ скоро нужно идти на вахтпарадъ. Но я поручаю тебѣ важное дѣло. Завтра утромъ ты долженъ составить по этимъ отмѣтамъ бумагу и привезти ко мнѣ. Нѣтъ ли чего особенно важнаго?

— Государь батюшка, одно тебѣ скажу, что по тайной канцеляріи всѣ тѣ же идутъ слухи, будто бунтъ готовится въ столицѣ и что на тебя злоумышляютъ. Прикажи мнѣ разобратъ.

— Знаю, знаю, Петръ Хрисанѳовичъ. Время еще не ушло. Сейчасъ только говорилъ я о томъ съ Паленомъ. Ну, прощай, Богъ съ тобою.

И государь, отмѣнивъ дальнѣйшій приѣмъ, поспѣшилъ къ вахтпараду.

II.

Кутайсовъ жилъ также въ Михайловскомъ замкѣ, хотя имѣлъ роскошный домъ въ городѣ, занятый его семьею.

Вышедши изъ кабинета государя, онъ поспѣшилъ въ дворцовую свою квартиру, чтобы исполнить не медля его повелѣніе о Юрьевой, и, сдѣлавъ всѣ нужныя для этого распоряженія, поѣхалъ къ сыну своему, графу Павлу Ивановичу, только что вступившему въ бракъ съ сестрой княгини Гагариной, фаворитки государя, княжной Прасковьей Петровной. Уже сидя въ каретѣ, Кутайсовъ вспомнилъ, что его звала къ себѣ завтракать его любовница, извѣстная въ то время артистка Шевалье, но дѣло, по которому онъ ѣхалъ къ сыну, казалось для него слишкомъ важнымъ: у него думалъ онъ застать княгиню Анну Петровну Гагарину, часто навѣщавшую свою сестру. Трудно представить себѣ психологію русской знати конца XVIII вѣка. Среди родовитаго дворянства, насчитывавшаго въ своихъ рядахъ не мало потомковъ св. Владимира, заняли выдающіяся мѣста выскочки низкаго происхожденія, часто начинавшіе свою карьеру незавидной профессіей. Таковъ былъ герцогъ Биронъ (берейторъ), графы Разумовскіе, Алексѣй и Кирилль (пѣвчій и пастухъ), графы Гендриковы—земледѣльцы, графъ Сиверсъ (кафе-шенкъ), Тепловъ Григорій (пріемышь) и т. д., и т. д., не говоримъ уже о многихъ «птенцахъ Петровыхъ», изъ которыхъ «счастья баловень безродный» Меншиковъ такъ и остался безъ генеалогіи. Въ царствованіе Павла совершилось разительное превращеніе этого рода: камердинеръ и брадобрей великаго князя Павла Петровича, Кутайсовъ, турокъ, въ дѣтствѣ гонявшій стада въ Бендерскихъ степяхъ, послѣ восшествія на престоль своего хозяина, за свою 26-лѣтнюю камердинерскую службу постепенно за четыре года возвысился до степени первѣйшаго русскаго сановника: получилъ графскій титулъ, званіе оберъ-егермейстера, андреевскую ленту, нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ, рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ и массу драгоценныхъ подарковъ. Въ концѣ царствованія Павла доходы его исчислялись въ полмилліона рублей. И подумать только, что всего четыре года тому назадъ ему никто изъ придворныхъ не протягивадъ руки, что многіе звали его просто Иваномъ, что онъ на придворныхъ праздникахъ подавалъ гостямъ на подносѣ, что требовалось,

что даже послѣ восшествія на престолъ императора Павла придворные, не стѣснясь, дарили ему атласу на кафтанъ, и онъ принималъ его съ благодарностію! Но всего болѣе нужно удивляться тому, что спесь русскихъ родовитыхъ дворянъ не помѣшала имъ вступить тутъ же въ родственные связи съ бывшимъ лакеемъ. Тонкій проходимедъ, новый графъ Иванъ Павловичъ понималъ, что для упроченія своего положенія ему необходимо завести родственныя связи съ выдающимися русскими фамиліями. Выдавъ своихъ дочерей за представителей знатныхъ русскихъ родовъ, зазнавшійся Кутайсовъ для сына своего Павла намѣтилъ не кого другого, какъ княжну Лопухину, дочь бывшаго генераль-прокурора и сестру княгини Гагариной, фаворитки императора. И что же, бракъ этотъ совершился, какъ бы по щучьему велѣнію, хотя и самъ молодой графъ Павелъ Ивановичъ, по отзыву хорошо знавшаго его въ это время А. 0. Шишкова, не представлялъ своей особой ничего привлекательнаго, а скорѣе нѣчто отталкивающее. Но таково было значеніе и богатство Кутайсова, что ему не смѣлъ возражать и отказывать ни Лопухия, отецъ царской фаворитки, ни сама Анна Петровна. Всѣ знали, что никто не умѣлъ лучше Кутайсова управлять царскимъ сердцемъ, и что отъ Кутайсова зависѣла судьба и фортуна самыхъ знатныхъ лицъ. Теперь же Кутайсовъ занятъ былъ мыслью выдать послѣднюю свою дочь за князя Платона Зубова, подъ этимъ лишь условіемъ, благодаря его ходатайству предъ государемъ, получившаго обратно секвестрованные свои имѣнія и допущеннаго изъ ссылки въ Петербургъ. Можно было представить, что пріемъ, только что оказанный Кутайсову императоромъ, грозилъ перевернуть всѣ его расчеты и даже разрушить уже созданное положеніе.

«Не иначе, какъ Юрьева нашла каналъ къ нашему горе-богатырю,— думалъ Кутайсовъ,—и на меня пожаловалась. А вернется сюда, смотри, наша Анна Петровна и того... Придется ей уѣзжать изъ дворца». Проведя всю жизнь свою въ интригахъ, Кутайсовъ не допускалъ и мысли, чтобы Юрьева обязана была своимъ спасеніемъ памяти о ней императора. «Самъ мнѣ скажетъ потомъ,— думалъ Кутайсовъ:—кто его надоумилъ».

У сына Кутайсовъ дѣйствительно засталъ княгиню Анну Петровну, полную красавицу-брюнетку съ добрымъ выраженіемъ лучистыхъ глазъ, и тамъ же оказался, къ невыразимому удовольствию Кутайсова, и самъ блестящій князь Платонъ Александровичъ, который навѣщалъ домъ Кутайсовыхъ съ цѣлью якобы ухаживанія, а въ дѣйствительности для того, чтобы узнавать отъ Кутайсова всѣ новости о государѣ и эти извѣстія изъ первыхъ рукъ передавать своему соучастнику по заговору, графу Палену.

Послѣ первыхъ привѣтствій, княгиня Анна Петровна первая обратила вниманіе на встревоженный видъ своего родственника и спросила его о причинѣ.

— Мнѣ жаль, княгиня, огорчить васъ, но причина эта касается болѣе васъ, чѣмъ меня,—грубо отвѣчалъ Кутайсовъ, хмурясь и начиная грызть ногти.

— Я не понимаю васъ,—возразила Анна Петровна:— въ чемъ дѣло?

— Дѣло въ томъ, что государь изволилъ вспомнить о бывшей своей фавориткѣ, нѣкоей Юрьевой, и приказалъ мнѣ доставить ее сюда изъ Новгородской губерніи,—продолжалъ Кутайсовъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ густой краски, появившейся на щекахъ княгини, и насмѣшливо подмигивая Зубову. Зубовъ отвернулся и съ презрительной миной отошелъ въ противоположный угольъ залы, гдѣ молодая Кутайсова раскладывала свои пальцы.

Какъ ни оскорблена была Анна Петровна дерзкой выходкой свояка, но женское любопытство одержало вверхъ надъ прочими ея чувствами, такъ какъ о Юрьевой услышала она въ первый разъ. Кутайсовъ подробно объяснилъ ей все дѣло и предостерегъ княгиню, что участіе императора къ Юрьевой можетъ отразиться на ея собственной судьбѣ.

— Кто знаетъ государя, какъ я,—заклучилъ Кутайсовъ:—знаетъ его капризы, непостоянство, тому можно думать, что ради Юрьевой онъ такъ же забудетъ скоро о васъ, какъ ради васъ забылъ Юрьеву. Къ старымъ привязанностямъ онъ всегда чувствителенъ.

— Боже мой, какъ я буду рада этой перемѣнѣ,—воскликнула Анна Петровна,—какъ я буду счастлива! Конечно,—прибавила она, взглянувъ на Кутайсова:—я очень люблю государя, и не мнѣ прилично создавать ему препятствія, но я буду очень рада вырваться изъ этого ада и уѣхать за границу съ мужемъ, съ Павликомъ.

Кутайсовъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на фаворитку, не вѣря своимъ ушамъ. «Дура она,—пронеслось у него въ головѣ,—не знаетъ, что Павликъ ея и дорожить ею только потому, что она въ фаворѣ у государя». Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, какъ доподлинно было Кутайсову извѣстно, всячески ухаживалъ за его любовницей Шевалье, и Кутайсовъ его за это не выносилъ.

Не найдя сочувствія въ Гагариной, Кутайсовъ разсказалъ дѣло Юрьевой снова подошедшему князю Зубову, не умолчавъ на этотъ разъ о личномъ неудовольствіи на него государя. Зубовъ воспользовался случаемъ сорвать свою злобу и сказалъ:

— Ахъ, графъ, можетъ ли быть прочной милость государя? Моя судьба пусть служитъ вамъ примѣромъ. Пока онъ живъ, никто не можетъ быть спокоенъ за свое благополучіе, и завтра всякаго могутъ лишить всего, что онъ имѣетъ сегодня. Боюсь, графъ, чтобы такая судьба не постигла и васъ, несмотря на вашу долгодѣтельную службу государю.

Кутайсовъ вспомнилъ слова императора: «Завтра я опять обращаю тебя въ прахъ», и пожалѣлъ, что сказалъ Зубову лишнее, такъ какъ не сомнѣвался, что даже намекъ на его опалу будетъ достаточно, чтобы Зубовъ оставилъ свое сватовство на его дочери. Желая поддержать свое значеніе, онъ сказалъ съ надутымъ видомъ:

— Да, это такъ, но это не можетъ относиться ко мнѣ. Я съ нимъ на другой ногѣ. Завтра же я вымою ему голову такъ, что онъ не скоро позабудетъ.

Гагарина, услышавъ эти слова, заволновалась и далеко отбросила отъ себя платокъ, который она держала въ рукахъ.

— Вы не должны забываться, графъ,—сказала она съ достоинствомъ:— помните, что императоръ—вашъ государь, и что вы ему обязаны всѣмъ своимъ счастьемъ.

Съ этими словами она встала и начала прощаться. Кутайсовъ бросился ее провожать, согнувшись и семеня ножками, какъ прибитая собака, но, возвратившись къ Зубову, проворчалъ:

— Просто любовница, а поди—держитъ себя императрицей. Ну, да увидимъ, что-то она запоетъ, когда сюда явится Юрьева. Видали мы и не такихъ!

И повель Зубова въ столовую завтракать.

III.

Уже два дня послѣ описанныхъ событій карета съ императорскимъ гербомъ, поставленная на полозья и сопровождаемая придворнымъ служителемъ, тащилась по ужасной дорогѣ, покрытой ухабами и выбоинами, по направленію къ Тихвину. Толстый докторъ Янишь, сидѣвшій въ каретѣ, подбрасываемый кверху при каждомъ толчкѣ кареты, кряхтѣлъ и проклиналъ свою судьбу, заставившую его предпринять это опасное для его здоровья путешествіе. Но деревня Зарѣчье, гдѣ жила мелкопомѣстная дворянка Варвара Алексѣевна Юрьева съ дочерью Маріей Николаевной, была уже въ виду, и докторъ предвкушалъ уже и сытный ужинъ и теплую постель. У околицы карета остановилась и тотчасъ была окружена мужиками и бабами, давно уже замѣтившими надвигавшійся къ деревнѣ невиданный поѣздъ. Шапки полетѣли внизъ, когда придворный фурьеръ въ обшитой галунами ливреѣ слѣзъ съ козелъ и направился къ нимъ, разминая ноги.

— Гдѣ, ребята, живетъ здѣсь помѣщица Юрьева?— спросилъ онъ.

— Юрьева? какая Юрьева? У насъ Юрьевыхъ много. Только помѣщицы такой нѣтъ. Надо быть, въ Коренево, ваше благородіе, вамъ ѣхать, а у насъ такой помѣщицы нѣтъ,—загалдѣла толпа.

— Не можетъ того быть. Юрьева, Варвара Алексѣевна, доподлинно извѣстно, что у васъ, въ Зарѣчѣ, проживаетъ,—настаивалъ фурьеръ.

— Варвара? Батюшки, да это Юрьева, прапорщичья вдова. Да она, ваше благородіе, совсѣмъ не помѣщица: у нея и крѣпостныхъ нѣтути. А живетъ съ дочерью, что въ Питерѣ была, служила, значить, да намедни захворала. Помѣщица—ни, какая помѣщица? Голь одна, помѣщица; Бѣдность непокрытая... А помѣщицы нѣту. А что она прапорщичья вдова, дворянка, то-ись, такъ это вѣрно. Почитай, что она и будетъ, ваше благородіе,—объясняли мужики.

Слѣдую указаніямъ мужиковъ, карета тронулась мимо маленькой бревенчатой церкви и, проѣхавъ рядъ закоптѣлыхъ, покрытыхъ снѣгомъ избъ, остановилась у небольшого домика, на крыльцѣ котораго стояла пожилая женщина съ платкомъ на головѣ и, сморщивъ лицо, напряженно смотрѣла и на карету, и на продолжавшихъ разсуждать мужиковъ.

— Вотъ тебѣ и Юрьева Варвара,—сказали мужики фурьеру.—Къ тебѣ, къ тебѣ, матушка, ѣдутъ,—кричали они еще издали Юрьевой.—Никакъ изъ самага Питера..

— Пошли вонъ отсюда, дурачье,—закричалъ имъ фурьеръ.—Вонъ отсюда,—заревѣлъ онъ, когда мужики, почесывая затылки, начали переминаться съ ноги на ногу, видимо, приготовляясь быть свидѣтелями дальнѣйшихъ событій, нарушившихъ ихъ однообразную жизнь.

Но фурьеръ своей золотой ливреей производилъ на нихъ внушающее впечатлѣніе, и они медленно удалились, продолжая толковать между собою и часто оглядываясь назадъ. Докторъ Янишъ медленно вылѣзъ изъ кареты и, подойдя къ Юрьевой, сказалъ медленно и внушительно:

— Имѣю честь видѣть г-жу Юрьеву Варвару Алексѣевну? Имѣю повелѣніе къ дочери вашей, Маріи Николаевнѣ. Я докторъ придворный, Янишъ.

— Докторъ? Слава тебѣ Господи, вы пріѣхали сюда въ самый разъ. Дочка-то у меня больна который день. Да что я, прости Господи, пожалуйста

въ горницу. Извините, батюшка, нашу бѣдность, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады,—говорила Юрьева, провожая гостя чрезъ узкія сѣни въ чистую комнату, гдѣ передъ диваномъ и несколькими самодѣльными, грубой работы креслами, стоялъ бѣлый деревянный столъ, накрытый льняною скатертью.

Дѣвочка въ онучахъ и лаптяхъ помогла Янишу раздаться, а вслѣдъ за тѣмъ она въ той же комнатѣ, по приказанію хозяйки, начала ставить самоваръ.

Янишь, приведя себя въ порядокъ, вытащилъ огромный бумажникъ, спрятанный у него на груди, и сказалъ:

— Если можно, имѣю надобность передать вашей дочери сіе письмо. Оно мнѣ вручено самимъ графомъ Иваномъ Павловичемъ Кутайсовымъ.

— Я скажу сейчасъ Машѣ,—волнуясь, говорила Юрьева, усаживая Яниша на диванъ.—Сейчасъ, сейчасъ приду,— сказала она, уходя.

Не долго продолжался разговоръ шопотомъ въ сосѣдней комнатѣ. Черезъ нѣсколько минутъ Янишь уже сидѣлъ у постели Маріи Николаевны и вручалъ ей императорскую записку.

Тихій, подавленный крикъ вырвался изъ груди молодой дѣвушки, когда она вскрыла запечатанное уголкомъ письмо. Слезы лились по ея смуглому лицу, она еще разъ прочитала записку и поцѣловала ее. Черные глаза ея, подернутые лихорадочнымъ блескомъ, устремились на доктора.

— Мнѣ приказано графомъ,—сказалъ Янишь,—доставить васъ въ Царское въ каретѣ, въ которой я пріѣхалъ. Ну, скажите, какъ вы себя чувствуете? А? Можемъ мы поѣхать? Да, да, конечно, можемъ. О, это очень хорошая вещь—радость. И если вы рады, то, конечно, поѣдемъ, и скоро. Болѣть не нужно, зачѣмъ болѣть?

И докторъ принялся осторожно и деликатно расспрашивать раскраснѣвшуюся дѣвушку о ея болѣзни.

Неожиданная радость, дѣйствительно, придавала силы молодой дѣвушкѣ. Она не могла, не смѣла говорить матери по пріѣздѣ въ деревню, кто былъ отцомъ ея ребенка. Теперь императорское посланіе, придворная карета

объяснили Варваръ Алексѣевнѣ все дѣло, и, такова ужь человѣческая природа, она стала съ уваженіемъ относиться къ дочери. Для самой Марьи Николаевны важнѣе всего было то, что онъ не забылъ ея. А сколько горя, сколько сомнѣній пережила она въ глухой деревнѣ!

Но нужно было ѣхать. Уже явился въ Зарѣчье капитанъ-исправникъ, до котораго дошли слухи о царской каретѣ, заѣхавшей въ такую глушь, и послѣ краткаго разговора съ несловоохотливымъ «нѣмчурой», какъ онъ называлъ про себя Яниша, онъ рѣшился сопровождать карету съ императорскимъ гербомъ до предѣловъ своего уѣзда. А вдругъ какое-либо несчастье! Недаромъ въ павловское время, страшное для исполнительныхъ чиновниковъ, создалась пословица: «положеніе хуже губернаторскаго», потому что губернаторы за все отвѣчали, даже своимъ достояніемъ, и, по мнѣнію капитанъ-исправника, хуже положенія губернатора могло быть только положеніе подчиненныхъ ему лицъ, о которыхъ, собственно, и говоритъ пословица!

Черезъ три дня Марья Николаевна, сопровождаемая Янишемъ и капитанъ-исправникомъ, уже тронулась по петербургской дорогѣ навстрѣчу неизвѣстному будущему.

IV.

Генераль-прокуроръ Петръ Хрисанѣовичъ Оболяниновъ, несмотря на высокое свое званіе, какъ и многіе вельможи того времени, не былъ искушенъ въ письменныхъ дѣлахъ. Правда, у него подъ руками былъ для нихъ молодой секретарь изъ семинаристовъ, Михаила Михайловичъ Сперанскій, который могъ написать даже такую бумагу, что Оболянинову самому дѣло казалось понятнѣе, чѣмъ прежде, но не всякія секретный дѣла ему можно было поручать, хотя онъ и былъ секретарь. Цѣлый день трудился Оболяниновъ надъ листомъ съ помѣтками, данными ему императоромъ Павломъ; но на другой день представилъ императору Павлу на утреннемъ докладѣ порученную ему бумагу. Бумага была немудреная: она заключала въ себѣ въ связномъ видѣ завѣщательныя распоряженія императора о

побочныхъ дѣтяхъ его, появленія на свѣтъ которыхъ онъ ожидалъ въ ближайшемъ будуіщемъ. Императоръ со вниманіемъ прочелъ бумагу:

— Спасибо, тебѣ, Петръ Хрисанѳовичъ, за работу, но, кромѣ тебя, о ней должны знать и другіе. Черезъ недѣлю позову я къ себѣ великаго князя Александра Павловича, великаго князя Константина Павловича, тебя, князя Александра Борисовича Куракина, графа Александра Сергѣевича Строганова, Александра Львовича Нарышкина и графа Кутайсова, объявлю вамъ всѣмъ свое изустное повелѣніе, а ты къ тому времени изготовишь по этой бумагѣ актъ, который всѣ вы подпишете.

Оболяниновъ смотрѣлъ государю въ глаза и наконецъ проговорилъ:

— Невдомекъ мнѣ, ваше величество, простите меня великодушно, по какой причинѣ изволите вы симъ дѣломъ спѣшить. Удобнѣе совершить его по рожденіи...

— А потому, любезный Петръ Хрисанѳовичъ; что въ жизни и смерти Богъ воленъ, и я себѣ не прощу, если не сдѣлаю этого теперь.

При этомъ Павелъ нагнулся къ уху Оболянинова и сказалъ ему тихо:

— Кажется мнѣ, что недолго жить мнѣ на этомъ свѣтѣ. Во снѣ чувствую, какъ сила какая-то поднимаетъ меня вверхъ, что-то душитъ мнѣ горло. Развѣ не помнишь, что прорицатель, монахъ Авель, мнѣ предсказалъ: «Царствія твоего будетъ четыре года и пять мѣсяцевъ невступно, и жизнь твою пресѣкутъ». А что, онъ до сихъ поръ въ заключеніи?

— Точно такъ, ваше величество, въ монастырѣ. — Отпусти его, пусть живетъ гдѣ захочетъ, но чтобы не дѣльныхъ разговоровъ ни съ кѣмъ не вель. Богъ съ нимъ!

Оболяниновъ, подавленный словами государя, вышелъ изъ его кабинета, но тотчасъ же вернулся.

— Ваше величество, государь-батюшка,—сказалъ онъ:— прикажи разобрать это пасквильное дѣло съ фонъ-деръ-Паленомъ. Сердце у меня не на мѣстѣ.

— Я посмотрю еще, что сдѣлаетъ и скажетъ мнѣ Палень, а затѣмъ позову на помощь тебѣ Аракчеева, если понадобится. Одному тебѣ трудно будетъ справиться. Ну, братецъ, ступай съ Богомъ!

Обольяниновъ не посмѣлъ уже продолжать разговора и, глубоко вздохнувъ, удалился.

Дѣйствительно, ровно чрезъ недѣлю, послѣ таинственныхъ переговоровъ Кутайсова съ прїѣхавшимъ уже Янишемъ, въ прїемной передъ кабинетомъ императора въ 7 часовъ утра уже появились наслѣдникъ престола великій князь Александръ, цесаревичъ Константинъ, графъ А. С. Строгановъ, Обольяниновъ, А. Л. Нарышкинъ, кн. Куракинъ и гр. Кутайсовъ. Наслѣдникъ былъ, очевидно, очень встревоженъ и спрашивалъ у Обольянинова, какая причина его вызова къ государю. Красивое, тонкое лицо его носило слѣды дурно проведенной ночи, руки его болтались по бокамъ, какъ будто онъ не зналъ, куда ихъ дѣвать.

Обольяниновъ не отвѣчалъ ему ничего положительного, но прибавилъ, что, думаетъ онъ, вѣроятно, по одному и тому же дѣлу, какъ и онъ. Этотъ отвѣтъ начальника тайной полиціи еще болѣе смутилъ Александра, и онъ сѣлъ въ кресло, нервно ударяя рукою по эфесу своей шпаги. Куракинъ, издавна привыкшій къ неожиданностямъ всякаго рода отъ своего царственнаго друга, сталъ у окна прїемной и молча смотрѣлъ на разстилавшійся передъ нимъ верхній Лѣтній садъ, вспоминая чудно проведенный имъ наканунѣ вечеръ у французской актрисы. Наконецъ камердинеръ государя пригласилъ всѣхъ собравшихся войти въ опочивальню.

Императоръ Павелъ поднялся съ кресла и протянулъ вошедшимъ руку, которую они почтительно поцѣловали. Затѣмъ онъ пригласилъ ихъ сѣсть и, обращая преимущественно къ великому князю, заговорилъ тихимъ голосомъ:

— Нѣсть человѣка безъ грѣха, и я, грѣшный, вцадалъ въ соблазнъ. Надѣюсь на Божіе милосердіе, ибо Всевышній судить не дѣла только, а и

помышленія наши, наше раскаяніе. Хочу, чѣмъ могу, загладить свои грѣхи, и тебѣ, Александръ, какъ своему преемнику на престолѣ, поручаю привести въ исполненіе мою волю, ибо въ жизни и смерти человѣка воленъ Богъ. Я ожидаю рожденія двухъ побочныхъ своихъ дѣтей, и хочу, чтобы эти невинные плоды грѣха моего не страдали въ жизни своей, насколько зависитъ это отъ меня, и не проклинали несчастнаго своего отца. Прочитай, Петръ Хрисанѳовичъ, мою волю. Слова эти Павелъ произнесъ твердымъ, проникновеннымъ голосомъ, какъ будто былъ на исповѣди.

Оболяниновъ откашлялся и торжественно, какъ -бы читая манифестъ, прочелъ слѣдующій актъ:

«Мы, нѣжеподписавшіеся, бывъ призваны 21 февраля 1801 года его императорскимъ величествомъ императоромъ Павломъ I, всемилостивѣйшимъ государемъ нашимъ, и имѣя счастье стоять предъ лицомъ его въ Михайловскомъ замкѣ и въ почивальной его удостоились получить отъ его величества то изустное объявленіе, что въ скоромъ времени онъ ожидаетъ рожденія двухъ дѣтей своихъ, которыя, если родятся мужского пола, получатъ имена: старшій— Никиты, а младшій —Филарета и фамилію Мусиныхъ- Юрьевыхъ, а если родятся женскаго пола, то наречены будутъ— старшая его дочь Евдокіею, младшая—Марѳою, съ полученіемъ той же самой фамиліи Мусиныхъ-Юрьевыхъ; что воспріемниками ихъ у святой купели будутъ его императорское высочество государь наслѣдникъ Александръ Павловичъ и статсъ-дама и ордена державнаго св. Іоанна Іерусалимскаго большого креста кавалеръ княгиня АннаПетровна Гагарина, что крестины ихъ въ церкви Михайловскаго замка воспослѣдуютъ; что его величество жалуетъ ихъ деревнями, по тысячѣ душъ каждому и гербъ по приложенному при семъ и Высочайшей его конфирмаціи удостоившемуся рисунку съ девизомъ: «Сила Божія въ немощи совершается», и что они для воспитанія и до возраста ихъ—сыновья въ первый кадетскій корпусъ записаны, а дочери особо воспитаны будутъ. Все сіе свидѣтельствуемъ по именной высочайшей волѣ его императорскаго величества и по долгу и

обязанностямъ нашимъ, мѣста и званія нашего и совести нашей. И то свидѣтельство наше о знаменитомъ происхожденіи господъ и госпожъ Мусиныхъ-Юрьевыхъ, скрѣпивъ оное нашимъ собственноручнымъ подписаніемъ и приложеніемъ нашего фамильнаго герба, вносимъ для храненія на будущія времена въ Герольдію. Замокъ св. Михаила, февраля 21 дня 1801г.» Глубокое молчаніе водворилось между присутствующими. При фамилии Мусиныхъ-Юрьевыхъ великій князь Александръ сдѣлалъ движеніе, какъ будто эта фамилія напомнила ему что-то, но не промолвилъ ни слова."И по окончаніи чтенія онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ сказать что-то, но дрогнувшія губы сомкнулись и только рука его крѣпко сжала эфесь шпаги. Но Куракинъ, видя молчаніе наслѣдника, не выдержалъ и обратился къ императору со словами:

— Ваше величество, священную волю вашу должно объявить Сенату тотчасъ послѣ рожденія дѣтей .вашихъ, а нынѣ...

— Нужно ее засвидѣтельствовать,—докончилъ императоръ, указывая наслѣднику взглядомъ на перо.

Привычнымъ движеніемъ великій князь подписалъ актъ, и его примѣру послѣдовали цесаревичъ Константинъ, Обольяниновъ, Куракинъ и всѣ прочіе. Великій князь, подѣловавъ руку у отца, произнесъ тихимъ голосомъ:

— Батюшка, позвольте мнѣ сказать вамъ отъ души, что дѣти ваши будутъ моими братьями и сестрами и, пока я живъ, буду питать эти чувства къ нимъ.

— Спасибо тебѣ, Александръ,—сказалъ императоръ,— и дай Богъ, чтобы дѣти твои отплатили тебѣ за твои чувства къ твоему отцу.

Въ тотъ же день Обольяниновъ внесъ актъ о побочныхъ дѣтяхъ императора Павла въ департаментъ герольдіи Правительствующаго Сената на храненіе.

Марья Николаевна Юрьева, по пріѣздѣ своемъ въ Царское Село, прмѣщена была въ уютной, хорошо меблированной квартирѣ и находилась подъ особымъ наблюденіемъ Яниша, который ежедневно навѣщаль ее. Ей

ничего не было известно о завѣщательномъ распоряженіи государя, а въ глубинѣ своего сердца она надѣялась когда-либо увидѣть его. И когда, съ быстротою молніи, распространилась по Россіи вѣсть о его внезапной кончинѣ, Марья Николаевна ничего не знала о томъ, пока ее лично не удостоила своимъ посѣщеніемъ вдовствующая государыня и сама сказала ей о томъ, упомянувъ и о столь благовременно сдѣланномъ завѣщаніи императора о Мусиныхъ-Юрьевыхъ. Потрясенная этимъ извѣстіемъ, Юрьева въ половинѣ марта разрѣшилась отъ бремени двумя дѣвочками, нареченными, по завѣщанію, Евдокіей и Марѳой, но старшая умерла скоро послѣ рожденія. Тогда императрица Марія Ѳеодоровна перевезла Марью Николаевну съ малюткой Марѳой къ себѣ, въ Павловскъ, и заботливо взяла на себя попеченіе о нихъ. Въ письмахъ своихъ къ лицамъ, составлявшимъ ея интимный кружокъ, она называла Марѳу Павловну не иначе, какъ «*ma petite*», сообщая подробности о ея дѣтской жизни. Уважая память своего несчастнаго супруга, она какъ бы удочерила его ребенка, принявъ на себя заботы о его воспитаніи. Старожилы Павловска долго послѣ того рассказывали о прогулкахъ императрицы по парку въ сопровожденіи маленькой «княжны» Марѳы Павловны. Но императрица не забыла и о ея матери. Уже въ 1802 г. Марья Николаевна Юрьева вышла замужъ за сенатскаго чиновника Вакара, вслѣдъ за тѣмъ назначеннаго губернскимъ прокуроромъ въ Могилевъ. Отъ младшаго ея сына, давно уже покойнаго, мы узнали, что потомство ея было многочисленно, но большая часть дѣтей умерла въ младенчествѣ. Она умерла уже въ концѣ 20-хъ годовъ, въ скоромъ времени послѣ рожденія младшаго сына. Неоднократно онъ высказывалъ намъ свое недоумѣніе, почему при свадьбѣ матери императрица Марія пожаловала ей осыпанный брильянтами портретъ не свой, а императора Павла, но мы нашли неудобнымъ въ то время давать ключъ къ разрѣшенію этой загадки... Къ глубокому сожалѣнію Маріи Ѳеодоровны, маленькая Марѳа Павловна прожила очень недолго и умерла въ 1803 году. По повелѣнію императрицы Маріи, состояніе Марѳы Павловны Мусиной-

Юрьевой тогда же передано было въ собственность «матери ея, надворной совѣтницѣ Вакаръ».